

ТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ОСЕТИНСКОЙ МИФОЛОГИИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ф.М. Таказов

Наиболее фундаментальным и типичным видом мифотворчества осетин являются космогонические мифы. Космогонические мифы повествуют о происхождении космоса в целом и его частей, связанных в единой системе. Основным начальным сюжетом творения мира в осетинской космогонии является происхождение космоса из хаоса. Часть космогонии составляют антропогонические мифы, в том числе о сотворении человека, первой человеческой пары или первых людей. Осетинская мифология, восходящая к индоиранскому наследию, испытала влияние христианства, ислама и кавказской культурной общности. Актуальность исследования мотива творения человека заключается в том, что изучение антропогонических мифов составляет значимое звено по осмыслению целостной мифологической картины мира осетин. На основе типологического сравнения в статье рассматриваются сюжеты, восходящие к библейским мифам о творении человека. Осетинские мифы об Атане и Амане, об Арыге и Магре, несмотря на использование фольклорных традиций осетин при их пересказе, в своей основе сохраняют библейские рассказы об Адаме и Еве, потопе и Ноевом ковчеге. Однако большинство вариантов с мотивом творения человека, хотя имеют типологические сходства в мировом фольклоре, не выходят за рамки традиционного мифотворчества. Сюжет про нартовского героя «Сауасса» представляет интерес тем, что инициатором его сотворения выступает Солнце. В целом, все варианты антропогонических мифов расширяют понимание мифологической картины мира осетин. Для анализа сюжетов с мотивом творения человека были применены историко-культурный, символический и семиологические подходы в рамках типологического и сравнительно-исторического метода. Несмотря на многочисленные работы по мифологии осетин, антропогонические мотивы остались вне поля зрения ученых, что определяет новизну настоящего исследования.

Ключевые слова: мифология, космогония, антропогонические мифы осетин, мотив творения человека, мифологическая картина мира.

Национальные особенности понимания мира во многом отражаются в фольклоре этноса. Весь исторический путь, который проходит этнос, в той или иной степени проявляется в мифологии, эпических произведениях, сказках, легендах и преданиях, пословицах и поговорках, притчах и афоризмах. Картина мира этноса в результате «семантической перекодировки нефольклорного материала (мифологического и этнографического)» [1, 51] свое зеркальное отражение находит в фольклорной картине мира.

Фольклорная картина мира вбирает в себя мифологическую картину мира, так как именно в последнем концентрируется система взглядов на место человека в объективном мире.

Осетинская мифология – совокупность мифологических представлений народа, уходящая своими корнями в глубокую древность. Вместе с тем мифология осетин испытала различные внешние влияния. «Сложные перипетии истории осетинского народа, оставившего свой заметный след в древних и средневековых культурах, образовали причудливый монолитный сплав из индоиранского наследия, античных черт, раннего христианства, православия средневековой Византии и грузинского православия, влияния кавказской культурной общности, ислама, иудаизма, религий древнего Ирана и Индии» [2, 923].

В современной осетинской мифологии широко представлены этиологические, космогонические, культовые, антропогонические, астральные, близнечные, тотемические, календарные, героические, эсхатологические мифы. Антропогонические мифы о происхождении человека составляют значимое звено в осмыслении мифологической картины мира осетин.

Наверное, найдется мало народов в мире, в фольклоре которых отсутствовали бы мифы о творении человека. Однако большинство таких мифов связаны с библейским сюжетом происхождения человека. Так, например, в мифологии бантуязычного народа меру рассказывается о том, как Бог создал юношу и девушку, которым запретил есть плоды определенного дерева, однако, по наущению змея они отведали плод [3, 162]. Хотя продолжение сюжета ничего общего не имеет с библейским мифом, выступая как этиологический миф, объясняющий смертность человека. В принципе, данный библейский сюжет приобретает этиологический мотив даже в христианской Западной Европе, объясняющей различия в анатомическом строении мужчины и женщины [4, 133].

Христианские мотивы прослеживаются и в осетинском мифе о первой паре, созданной Богом – Атане и Амани, которых обольстила змея-искусительница [5, 509]. Кроме того, в имени 'Атан' явно просматривается библейское имя Адама.

В другом сюжете в мотив искушения так же, как и в европейском, вплетается этиологический мотив.

Когда черт обманул в раю Атана и Амани отведать яблоко, Бог дал ему еще один шанс исправить совершенный грех. Черту этого показалось мало, и он написал на листе табака: «Кто умрет, тот – мой, а кто будет жить, те – Бога». Свернув листочек, положил его в ящик, заколотил ящик и бросил его в море. Бог не мог об этом не узнать и наказал *зэдам* (сакральные персонажи, близкие христианским ангелам), чтобы те нашли его. Через 20 дней им удалось найти тот ящик. Когда Бог прочитал написанное чертом,

он разозлился и проклял черта, отправив его в седьмое подземелье. Проклял и табак [6, 170].

Другой осетинский миф о первой человеческой паре Арыге и Магре (*Арыг æмæ Магра*) также отражает библейский миф о Ное и его ковчеге.

Арыг и Магра, в отличие от остальных людей, остались благочестивыми, молились Богу, а по воскресеньям не работали. Бог послал к ним ласточку с наказом, чтобы они сколотили себе ящик и вошли туда вместе со своей скотиной, птицами, зерном и всем своим имуществом, и три дня не открывали его. Они так и поступили. После этого начался ливень, и вся земля оказалась под водой [7, 49].

Следующий мотив творения первой пары, переданный в афористическом жанре, отражает традиционную форму мифотворчества.

В мифе «Первые жена и муж» (*«Фыццаг лæг æмæ ус»*) повествуется о сотворении мира Богом. Бог вначале сотворил животных, при этом каждой твари сотворил пару. У первого же сотворенного им мужчины не было пары, что привело того в уныние. Бог сотворил для него жену, однако через несколько дней муж вернул свою жену обратно, объяснив свой поступок тем, что он уже не в силах выносить ее ворчание и капризы. Через некоторое время он опять заскучал и стал просить его вернуть ему жену. После долгих уговоров Бог вернул ему жену. Хотя характер жены не претерпел изменений, он уже не возвращал ее, решив, что с ней тяжело жить, а без нее еще хуже [7, 38-39].

Оригинальный сюжет с мотивом творения человека, не подвергшийся христианскому влиянию, встречается в осетинских эпических сказаниях о Царциатах. Царциата – самостоятельное эпическое произведение, бытующее у осетин наряду с эпическими сказаниями о Нартах и Даредзантах. Если в нартовском эпосе находят отражение исторические и героические мотивы, то в царциатском эпосе просматриваются только мифологические мотивы. Повествование в Царциатах, как, впрочем, и в Нартах, начинается с антропогонических мифов – творения мира.

После сотворения трех миров Бог творит первого человека: Бог замесил глину, склеил ими горные сланцы, пустил на эту смесь воду с горного ручья и таким образом сотворил человека. Глина превратилась в мясо, горные сланцы – в череп, а родниковая вода – в кровь. Человек зашевелился, но был немым. Тогда повелитель ветров Галагон засвистел в ушах человека, и он превратился в настоящего человека [8, 11].

В отличие от библейского мотива творения человека, изгнанного из рая за нарушение запрета, Бог наказывает первого человека, отобравшего огонь у зэдов, другим способом: Бог последовательно творит великанов *еугуппарта*, *гумерита* и *уайгута* для борьбы с человеком [8, 26].

Сотворение первого человека, вернее, первой пары в Царциатах происходит в соответствии со структурой модели мира мифологической кар-

тины мира осетин. Если в библейском мифе первый мужчина создается из глины, а женщина – из его ребра, то в царциатском варианте женой первого мужчины выступает дочь Луны.

После сотворения Богом первого мужчины по имени Царддзо, тот скитался в одиночестве, кормился охотой. Оказавшись возле какого-то озера, Царддзо стал свидетелем связи Луны с племянницей Бога. На свету, когда ночь начала отделяться от дня, у племянницы Бога родилась дочь, которую бросили в это же озеро. Царддзо наблюдал, как она росла в озере. Когда она выросла, он женился на ней, и от их брака произошли царциата [8, 21-22].

То, что вторая половина первого человека не Богом сотворена, а родилась от связи небожителей, отражает традиционное мифотворчество, согласно которому рождение пары – результат творения мира. Племянница Бога – символ верхнего мира, Луна – символ нижнего мира. И то, что новорожденная брошена в воды озера, также отражает архетип нижнего мира. Фактически все необычно рожденные герои воспитываются в подводном мире. В морскую пучину был брошен Нарт Батраз, где он и воспитывался до определенного возраста [9, 60]. В подводном мире рос и герой Даредзановского эпоса Амран [10, 331].

Последовательность творения человек – великаны в нартском эпосе осетин представлена иначе. В эпических сказаниях о нартах Бог вначале сотворил *гумиров* ['*гуымырытæ*'], по другим версиям *уадмеров* ['*уадмеритæ*']. Они оказались слишком крупными, сильными, но тупыми. Они не умели отодвигаться даже от костра и защищались от огня сланцами или досками. Только после того, как они увидели спящую возле огня собаку, отодвинувшаяся подальше от костра, *гумеры* стали поступать так же [5, 13].

После *гумиров/уадмеров*, уничтоженных Богом, он сотворил *уайугов* ['*уæйгуытæ*']. Но и они не удалась: оказались грубыми, неуклюжими, кто с одной головой, кто – с семью головами, кто – с одним глазом.

После *уайугов* Бог сотворил нартов. Нарты стали сражаться с *уайугами* и уничтожили их [11, 39-40].

Осетинскому варианту сотворения нартов близок мотив творения человека в ингушском нартском эпосе.

И в ингушском варианте Бог вначале создал великанов-вампов, которые оказались настолько велики ростом, что, проходя под солнцем, нагибались. Практиковали они и каннибализм. Бог терпел, надеясь, что они образумятся, и лишь после жалобы на них Земли Бог наслал на них заразную болезнь. После того, как великаны-вампы исчезли, Бог сотворил человека [12, 5].

В балкаро-карачаевских сказаниях о нартах сотворению человека также предшествует творение других существ. Согласно балкарским текстам,

после того, как Тейри были сотворены небо и земля, между ними были сотворены люди-нарты. Однако, помимо нартов, на земле жили некие существа, называемые *харрала*, с которыми нарты вели непримиримую борьбу. *Харрала* изображались огромного роста, с телами, покрытыми рыжими волосами, поедавшими все без разбору. Нартам удалось истребить их лишь после того, как кузнец Дебет выплавил железо и изготовил из него оружие [13, 302].

В нартовском эпосе осетин, помимо сюжета сотворения первых людей-нартов, есть и сюжет с мотивом творения первого человека.

В сюжете «Сауасса» («*Сæуæссæ*») повествуется о причине сотворения первого человека. Инициатором творения в эпических сказаниях выступил *Зынджы бардуаг* ('Повелитель огня'), потребовавший от Бога сотворить существо, которое бы на его огне могло пожарить жертвенное мясо для вознесения молитвы Богу, *зэдам* и *дуагам*. Бог, чтоб утихомирить *Зынджы бардуаг*, сотворил человека на рассвете [14, 17]. Так как он был сотворен на рассвете, имя ему дали «Сауасса».

Сауасса (*Сæуæссæ*) буквально переводится как «Утренний вестник» – от «*сæу*» 'утро' + «*æссæ*» (основа «*ас/уас*», «*аццæ/уац*») 'весть' [15, 27-28].

Мотив сотворения Сауасса в нартовском эпосе перекликается с мотивом сотворения первого человека Царддзо в царциатском эпосе, где Бог создает Царддзо по требованию Солнца [8, 12-16].

После сотворения Сауасса *Зынджы бардуаг* закалил его на своем огне, благодаря чему он стал полноценным человеком [14, 17]. Огонь присутствует и при сотворении первого человека в ногойском фольклоре: Тенгри изваял человека из земли, окропив водой, а душу его создал из огня [16, 169-170].

Опосредованное участие в сотворении первого человека принимает Солнце и в мифологии народа сора из восточной части Индии.

Владыка Вселенной Киттунг нарисовал на стене белой глиной фигуры мужчины и женщины, но не мог их оживить. Он обратился за советом к солнцу Уйунгсум. Солнце научил Киттунга, как их оживить [17, 20].

Мотив сотворения первого человека по просьбе кого-то, а не по инициативе самого Бога-творца встречается и в мифологии других народов. Так, например, в мифологии народа корку из Центральной Индии верховный бог Шива решил сделать из глины мужчину и женщину по просьбе Раваны, персонаж эпоса Рамаяны, в котором выступает как антагонист героя Рамы [18, 214].

В антропогонических мифах осетин особое место занимает сюжет, в котором прародительницей человечества выступает не Бог-творец, а Алдар-мать (*Æлдар-мад* – букв. 'Княгиня-мать'). Алдар-мад имела огромное хозяйство, которое состояло из прирученных животных. С разрастанием

хозяйства ей нужны были помощники, и она родила женщин и мужчин для выполнения различных работ. Но ее потомство стало размножаться самостоятельно. Тогда Алдар-мад начала кастрировать мужчин, но это не помогло. Испугавшись, что разросшееся потомство ее потомства захватит все ее хозяйство, она истребила их. Алдар-мад родила новое потомство, рассчитывая, что на сей раз оно не сможет самостоятельно размножаться. Но и второе ее потомство оказалось таким же плодовитым, как она сама. Алдар-мад начала оскотлять женщин. Женщины, не желая остаться бесплодными, стали убегать в девственные леса. Скрываясь в лесах, они стали вести борьбу против Алдар-мад, которую одолели после того, как объединились с мужчинами. От убежавших в различные районы земли детей Алдар-мад, согласно преданиям, и произошли все народы [19, 136-137].

Образ *Алдар-мада*, уничтожающая свое потомство, напоминает образ древнегреческого Кроноса, пожиравшего своих детей.

Итак, антропогонические мифы в осетинской космогонии представлены разнообразными по своему происхождению и по своей художественной структуре сюжетами. Независимо от национального своеобразия осетинских мифов о творении человека, они находят свое типологическое сходство с соответствующими мотивами в фольклоре и мифологии народов мира. Библейские мотивы, бесспорно, отразились в сюжетах про первые пары *Атан и Аман*, *Арыг и Магра*. При этом если *Атан* и *Аман* почти в деталях совпадают с библейской парой Адамом и Евой (даже имя *Атан* совпадает с Адамом), то *Арыг* и *Магра* воспроизводят библейский сюжет о потопе и ковчеге Ноя.

В то же время большинство антропогонических мифов осетин восходят к традиционной мифологической системе. Хотя сюжет «Как появились нарты» имеет типологические сходства в национальных вариантах нартовского эпоса народов Кавказа, осетинский мотив сотворения первых людей-нартов связан с традиционной структурой модели мира, согласно которой при рождении обязательно присутствие символики нижнего мира («Нарты, как рассказывают легенды, вышли из морской пучины» [11, 40]).

В других сюжетах с мотивом творения человека, независимо от типологических сходств в мировом фольклоре, неизменно присутствуют символы трехчастной модели мира.

Таким образом, антропогонические мифы осетин с мотивом творения человека/пары/людей представлены синкретическими сюжетами, на которых огромное влияние оказало библейская история сотворения человека. Повествование основных узловых моментов развития сюжетных линий большинства архетипов антропогонических мифов воспроизводит традиционное моделирование космоса.

Однако, независимо от «традиционности» или «синкретичности» сюжета, антропогонические мифы с мотивом творения человека дают возможность дополнить общую мифологическую картину мира осетин.

---

1. *Елизарова Г.С.* Фольклорная картина мира как часть национальной картины мира // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований. Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2010. С. 51–58.

2. *Кцоева С.Г.* Религиозные особенности этнической традиции осетин в условиях общественных модернизаций конца XIX – начала XX в. (по данным фольклорной легенды «Сказание об Одиноком») // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Вып. 18. № 4. С. 922–937.

3. *Scheub H.* A Dictionary of African Mythology. Oxford: Oxford University Press, 2000. 368 p.

4. *Van den Berg.* Place of the Lord's Daughter. Rab'inal, its history, its dance-drama. Leiden: School of Asian, African, and Amerindian Studies. Marcel, 2000. 555 p.

5. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2003. Ч.1. 592 ф. (на осет. яз.).

6. Из осетинской сокровищницы. Народное творчество осетин / сост. Т.Т. Торчинов. Владикавказ: Ир, 2010. 382 с.

7. Осетинские легенды / сост. Ш.Ф. Джикаев. Владикавказ: Ир, 1989. 498 с.

8. Легенды о Царциата: эпос осетинского народа / сост. Ф.М. Таказов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2007. 312 с.

9. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2005. Ч. 3. 712 ф. (на осет. яз.).

10. Осетинское народное творчество. В 2-х т. / сост. З.М. Салагаева. Владикавказ: Ир, 2007. Т.1. 719 с.

11. Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке / сост. А.Я. Кибиров и Э.Б. Скодтаев. Владикавказ: Ир, 2005. 456 с.

12. *Дакхильгов И.А.* Ингушский нартский эпос. Нальчик: Тетраграф, 2012. 598 с.

13. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 656 с.

14. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2012. Ч. 7. 617 ф. (на осет. яз.).

15. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1989. Т. 4. 328 с.

16. *Капаев И.С.* Ногайские мифы, легенды и поверья: Опыт мифологического словаря. М.: Голос-Пресс, 2012. 424 с.
17. *Elwin V.* Tribal Myths of Orissa. Bombay: Oxford University Press, 1954. 700 p.
18. *Howey M. Oldfield.* The Horse in Magic and Myth. London: William Ridey & Sons, 1923. 238 p.
19. *Таказов Ф.М.* Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2014. 210 с.

Takazov, Fedar M. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); fedar@mail.ru

HUMAN CREATION IN OSSETIAN MYTHOLOGY: TYPOLOGICAL ASPECT.

Keywords: *mythology, cosmogony, anthropogonic myths of the Ossetians, motive of human creation, mythological picture of the world.*

The most fundamental and typical type of Ossetian myth-making is cosmogonic myths. Cosmogonic myths tell about the origin of the cosmos as a whole and its parts connected in a single system. The main initial plot of the creation of the world in Ossetian cosmogony is the origin of the cosmos from chaos. Part of the cosmogony consists of anthropogonic myths, including the creation of man, the first human couple or the first people. Ossetian mythology, which dates back to the Indo-Iranian heritage, has been influenced by Christianity, Islam and the Caucasian cultural community. The relevance of the study of the motive of human creation lies in the fact that the study of anthropogonic myths constitute a significant link in understanding the holistic mythological picture of the Ossetian world. Based on a typological comparison, the article examines the plots dating back to the biblical myths about the creation of man. The Ossetian myths about Atan and Aman, about Aryga and Magra, despite the use of Ossetian folklore traditions in their retelling, basically retain the biblical stories about Adam and Eve, the flood and Noah's Ark. However, most variants with the motif of human creation, although they have typological similarities in world folklore, do not go beyond the traditional myth-making. The plot about the Nart hero «Sauassa», although it has typological similarities, is of interest because the Sun acts as the initiator of its creation. In general, all variants of anthropogonic myths expand the understanding of the mythological picture of the Ossetian world. Historical-cultural, symbolic and semiological approaches within the typological and comparative-historical method were used to analyze the plots with the motive of human creation. Despite numerous works on the mythology of the Ossetians, anthropogonic motifs remained out of sight of scientists, which determines the novelty of this study.

References

1. Elizarova, G.S. *Fol'klornaya kartina mira kak chast' natsional'noi kartiny mira* [Folklore picture of the world as part of the scientific worldview]. *Filologiya, yazykoznanie, didaktika: teoriya i metodika issledovaniy* [Philology, linguistics, didactics: theory and research methods]. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University, 2010, pp. 51–58.
2. Ktsoeva, S.G. *Religioznye osobennosti etnicheskoi traditsii osetin v usloviyakh obshchestvennykh modernizatsii kontsa XIX – nachala XX v. (po dannym fol'klornoj legendy «Skazanie ob Odinokom»)* [Religious Features of the Ossetian Ethnic Tradition in the Conditions of Social Modernizations in the Late 19th – Early 20th Centuries (according to the folklore legend «The Legend of the Lonely»)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. 2019. iss. 18, no. 4, pp. 922–937.
3. Scheub, H. *A Dictionary of African Mythology*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 368 p.
4. Van den Berg. *Place of the Lord's Daughter. Rab'inal, its history, its dance-drama*. Leiden, School of Asian, African, and Amerindian Studies. Marcel, 2000. 555 p.
5. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [Legends of the Narts. Epos of the Ossetian people]. Dzæudzhykh"æu, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2003, b.1. 592 p. (in Ossetian).
6. Torchinov, T.T. (comp.) *Iz osetinskoj sokrovishchnitsy. Narodnoe tvorchestvo osetin* [From the Ossetian treasury. Folk art of Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2010. 382 p.
7. Dzhikaev, Sh.F. (comp.) *Osetinskie legendy* [Ossetian legends]. Vladikavkaz, Ir, 1989. 498 p.
8. Takazov, F.M. (comp.) *Legendy o Tsartsiata: epos osetinskogo naroda* [Legends of Tsartsiata: the Epic of the Ossetian people]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2007. 312 p.
9. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [Legends of the Narts. Epos of the Ossetian people]. Dzæudzhykh"æu, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2005. b.3. 712 p. (in Ossetian).
10. Salagaeva, Z.M. (comp.) *Osetinskoe narodnoe tvorchestvo. V 2-kh t.* [Ossetian folk art. In 2 vols]. Vladikavkaz, Ir, 2007, vol.1. 719 p.
11. Kibirov, A.Ya., Skodtaev, E.B. (comp.) *Narty. Mifologiya i epos na digorskom yazyke* [Narts. Mythology and epic in the Digor language]. Vladikavkaz, Ir, 2005. 456 p.
12. Dakkhil'gov, I.A. *Ingushskii nartskii epos* [Ingush Nart Epic]. Nalchik, Tetragraf, 2012. 598 p.
13. *Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev* [Narts. The heroic epic of the Balkars and Karachays]. Moscow, Nauka, 1994. 656 p.
14. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [Legends of the Narts. Epos of the

Ossetian people]. Dzæudzhykh“æu, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2012. b.7. 617 p. (in Ossetian).

15. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologičeskii slovar' osetinskogoazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 4. 328 p.

16. Kapaev, I.S. *Nogaiskie mify, legendy i pover'ya: Opyt mifologičeskogo slovarya* [Nogai myths, legends and beliefs: The experience of a mythological dictionary]. Moscow, Golos-Press, 2012. 424 p.

17. Elwin, V. *Tribal Myths of Orissa*. Bombay, Oxford University Press, 1954. 700 p.

18. Howey, M. Oldfield. *The Horse in Magic and Myth*. London, William Ridey & Sons, 1923. 238 p.

19. Takazov, F.M. *Mifologičeskie arkhetipy modeli mira v osetinskoj kosmogonii* [Mythological Archetypes of the World Model in Ossetian Cosmogony]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2014. 210 p.